

105 лет со дня рождения кинорежиссера Михаила Ромма

Ромм в Риме в октябре 1962 года

Нея Зоркая

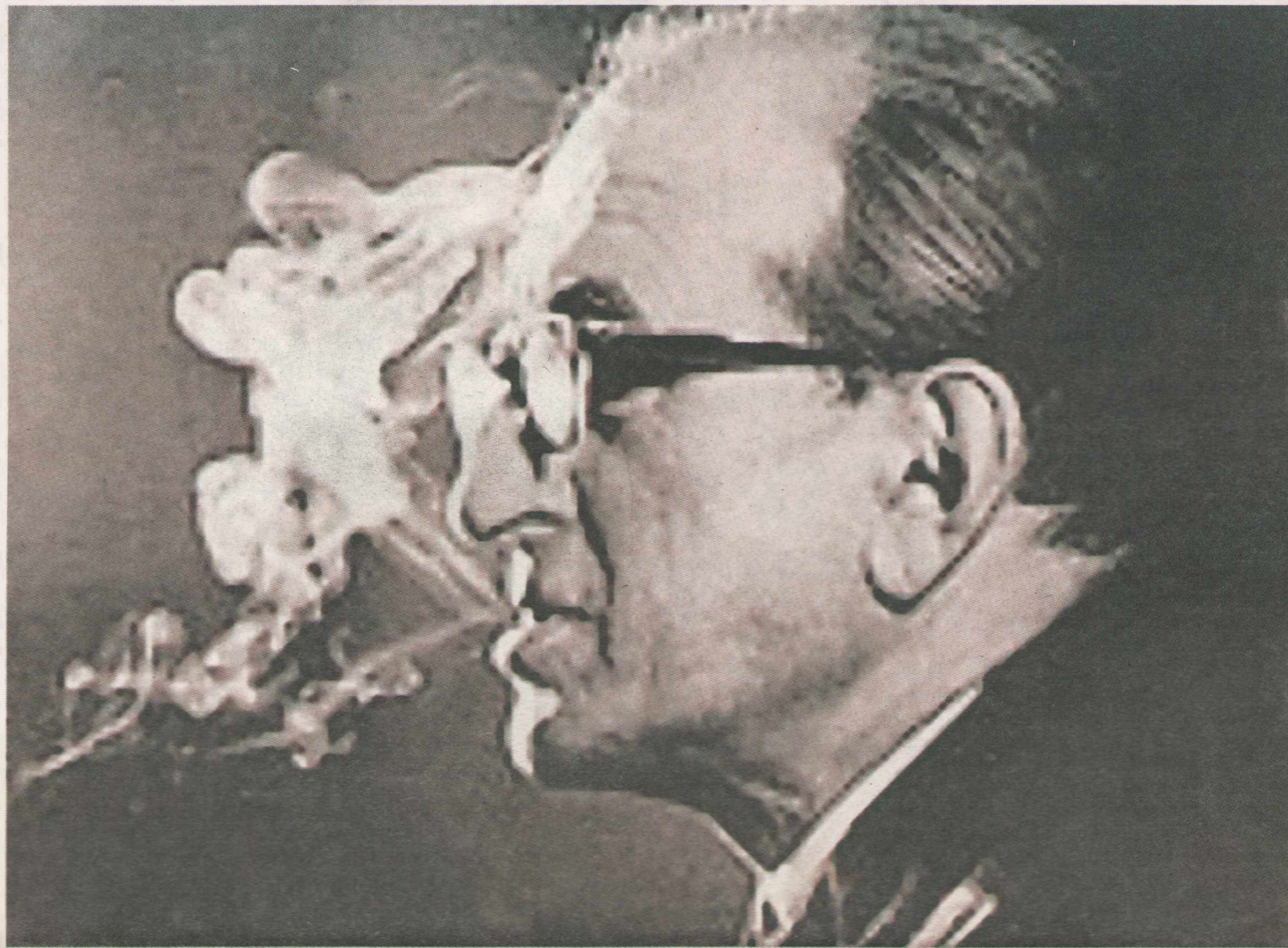
Из многих впечатлений от уникальной, фантастической в своих острых углах фигуры Михаила Ильича Ромма мне хочется поделиться одним — возможно, и неожиданным для «литой» фигуры режиссера. Дело было на некоем итало-советском киносимпозиуме, который проводило тогдашнее общество «Италия — СССР», кстати, сделавшее в ту пору немало добра. Во главе нашей команды стоял Ромм; среди участников был В.Е. Баскаков, заместитель председателя Госкино СССР, а тогдашнюю молодежь представляли режиссер Георгий Данелия и я, кинокритик. Данелия в своей книге воспоминаний «Безбилетный пассажир» с присущим ему блестящим юмором описал наш советский командировочный быт. Но я — о другом.

Надо сказать, что отношение к нам — и к делегации в целом, и к каждому персонально — было исключительно внимательным и теплым: нас старались ублажать буквально во всем. Еще бы — 1962 год, «Один день Ивана Денисовича» в «Новом мире», «Золотой лев Св. Марка» для «Иванова детства» Тарковского на Венецианском фестивале этого года — мы были для них посланцы «оттепели»! Эх, если бы всегда нас так встречали! Ромм, что неудивительно, всех очаровал — итальянцы то и дело повторяли: «O! Unico signore!»

Трогательная деталь: нам достали билеты во Дворец спорта на концерт ансамбля Игоря Моисеева, что было в Риме страшнейшим дефицитом: весь город, вся элита, весь свет тянулись, забив лимузинами шоссе и подъезды, к заветному гигантскому залу. Мы, конечно, благородно отказались в пользу «местных». Тогда нам сделали лестное и уважительное предложение: открыть специально для нас Сикстинскую капеллу Ватикана за час до впуска посетителей. Редкая удача и большая честь! Священный зал, где конклав выбирает нового Папу, украшенный великими творениями мастеров Ренессанса, служит в течение года одним из главных объектов и приманок туристического бизнеса, там всегда толпа многоязычных групп. А тут мы одни — такое везение! Смотрю — Ромм недоволен. Не радуется. В чем дело?

И тут неожиданно открылась детская черта характера мэтра. Он, активный, мобильный, подъемный, как выясняется, не переносит, когда его рано будят — и как только в экспедициях на природу ездил? А здесь мы должны выехать в 7.30 и в 8.00 быть в Ватикане. Да еще все кафе и рестораны отеля в это время закрыты...

Ждем машину, Ромм сидит в холле мрачный. «Сбегай, Гриша, на улицу, хоть бананов купи», — просит Чухрай. Сам факт, что через пять минут Чухрай вернулся со связкой ярко-желтых красавцев, нас, людей из московских банановых очередей, развлек и воодушевил; Ромм же — ни гу-гу. Бубнит: «Я вообще не люблю скульптуру» — это он-то, скульптор по первой профессии! «Какая, Михаил Ильич, скульптура?! Это же фресковая живопись». — «Все равно! Он (это про Микеландже-

ло. — Н.З.) и в своих фресках скульптор!» (Возможно, Ромм со сна вообще все перепутал и считал, что мы едем к знаменитому «Моисею».)

Бежим по долгим ватиканским залам, на картины не смотрим, времени нет. У входа в капеллу нас ждет специально вызванный гид из первой русской эмиграции, представляет его как друга Вячеслава Иванова, благообразный господин со старинной русской речью. Входим. И тут я испытала — никак не преувеличивая, буквально! — истинный шок, одно из ярчайших впечатлений всей моей жизни. В молчании проходит несколько минут. Ромм преображается. На месте хмурой сонливости — озарение, стал выше ростом. Глаза из-под очков сверкают. Торжественно протянув руку к росписи, говорит: «Смотрите, это моя сестра! Как мы похожи!»

Он обращался к одной из сивилл-пророчиц, чей профиль заключен в круглый медальон, и этот профиль — удивительно, непостижимо! — повторяет долгоносый роммовский, только с суровым, чтобы не сказать злобным, выражением. «Так вот где, оказывается, живет моя сестра!» — повторил он уже с усмешкой.

И от этой «сестры»-сивиллы пошло-поехало! Полилась вдохновенная речь, не лекция — нет, анализ-экспромт, «мастер-класс» смотрения, как сказали бы сегодня. Видит Бог, к тому времени я слыхала в Институте истории искусств, где работала, и Грабаря, и Алпатова, и Виппера, выдающихся итальянистов, но подобного — никогда... Да, это был экспромт, но на базе глубинного понимания и знания великого шедевра. И самих сюжетов, лично расписанных Буонаротти, — как

известно. Сикстинский плафон воспроизводит библейскую историю от сотворения мира до Великого потопа. Так вот, обнаружилось, что этот «марксист-атеист» является знатоком Священного писания.

Было ли то наитие свыше или всколыхнулись закрома памяти, осталось неясным. Мы потом приставали к Ромму, откуда он все это взял и почему прикидывался неучем, но он отнекивался, повторяя: «Все это ясно из самого изображения». Он обращал наше внимание на детали, которых мы сами не заметили бы. С «титаном Возрождения» обращался запросто. Кое-что покритиковал. Например, сказал, что полету Саваофа не хватает воздушности, что он на облаке сидит как на кресле. Про Еву из «Искушения змия» заявил, что она «не мике-

ланджеловская», а скорее Фра Филиппо Липпи. Мы поверили.

В капелле только потолок расписан Микеланджело, по стенам фрески других мастеров. Окинув быстрым взглядом каре, Ромм указал на две из них. «Остальное, — изрек он, — «второй эшелон». Те две были работы Боттичелли.

«Синьор — великий искусствовед?» — спросил абсолютно подавленный гид «из бывших».

«Нет, — ответили мы не без гордости. — Это советский кинорежиссер Михаил Ромм».

В многогранной, огромной личности Ромма мне остались милее всего черты теплой человечности, душевной юности, наивности, повторюсь — детскости. Особенно обаятелен Михаил Ильич бывал у себя дома, в Москве и на даче в Красной Пахре, которая тогда, в пору тотальной «хру-

шевки», казалась палатами, а теперь вспоминается как халупа. Но атмосфера там обволакивала гостеприимством, доброжелательностью. Этот публичный человек, лидер, трибун был также и очень домашним. Всю жизнь он был влюблен в свою жену Елену Александровну Кузьмину — актрису, которую снял почти во всех своих фильмах. Он воспитал Наташу, дочь жены от ее первого брака с режиссером Борисом Барнетом, и не Барнета, а Ромма Наташа считала своим отцом.

На письменном столе у Михаила Ильича всегда стояла деревянная скульптура, женский портрет собственной работы. «Как точно схвачена Елена Александровна!» — восхищались гости.

«Эта работа еще из Голубкинской мастерской, — смеялся хозяин. — Задолго до того, как я встретил Лелю. Это я ее вычислил».

Обыкновенный Ромм

Михаил Ильич Ромм родился 11 (24) января 1901 года в Иркутске. Проведя три года — с 1918-го по 1921-й — в рядах Красной Армии, был зачислен в Высший художественно-технический институт (факультет скульптуры) и в 1925 году окончил его. В кинематограф попал только в 1931 году, поступив на студию «Совкино» (ныне «Мосфильм»). Первый фильм Михаила Ромма — «Пышка» (1934), снятый по новелле Мопассана, сразу принес ему режиссерский успех. Чуть позже вышла картина «Тринадцать» (1937), рассказывающая о борьбе советских пограничников с басмачами, и кинодилогия о Ленине с Борисом Щукиным в заглавной роли — «Ленин в Октябре» (1937) и «Ленин в 1918 году» (1939). В 1943 году на экраны вышел его фильм «Мечта» с Файной Раневской в главной роли. Уже после окончания войны Ромм снял несколько картин на антифашистскую тему: «Русский вопрос» (1948), «Секретная миссия» (1950), «Убийство на улице Данте» (1956). Одной из самых значительных работ Михаила Ромма стал фильм «Обыкновенный фашизм» (1966), где впервые в истории мирового кинематографа была предпринята попытка исследовать природу тоталитаризма. Автор фильмов «Адмирал Ушаков» (1953) и «Девять дней одного года» (1962). С 1949 года и до конца своей жизни преподавал во ВГИКе. Умер 1 ноября 1971 года в Москве, не успев закончить последний фильм «И все-таки я верю» («Мир сегодня»). В 1976 году эта документальная лента была довершена его учениками и коллегами.

Ромм. Михаил
105 лет со дня рож. (1901)

68